

Ишин А.В.

УДК 94(477.75) "1917/1921"

**ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И «ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОС»:
КРЫМСКИЕ АСПЕКТЫ**

Введение. События Февральской революции, повлекшие отстранение от власти Императора Николая II и формирование органов нового – Временного правительства, послужили отправной точкой в разрушении традиционной для Российской империи политической и социокультурной реальности, в кардинальной смене самой парадигмы государственного развития.

Лидеры рожденного Февралем Кабинета, а также их представители на местах не смогли превратить новообразованное правительство в эффективный орган высшего государственного управления, способный адекватно откликнуться на вызовы эпохи. Этому способствовало множество объективных и субъективных причин.

Для обозначения центрального процесса переходного от Февраля к Октябрю 1917 г. исторического периода мы предлагаем использовать термин «фрагментация власти». Вследствие этого процесса как в центре страны, так и в провинциях сформировалось три основных властных центра, претендующих на гегемонию: Временное правительство и его органы на местах, Советы рабочих и солдатских депутатов, Ставка Верховного главнокомандующего.

О «февральском» периоде в Тавриде существуют научные исследования, осуществленные рядом авторов, в частности, П.Н. Надинским [1], В.В. Федуновым, В.И. Жуковым [2], А.Г. Зарубиным, В.Г. Зарубиным [3], В.Н. Пашеней [4] и некоторыми другими.

Вместе с тем, в настоящее время существует актуальная необходимость в качественно новом научном осмыслении обширной проблематики, связанной с деятельностью учреждений Временного правительства в Таврической губернии, и в частности, охватывающей сферу государственно-церковных отношений. В серьезном анализе нуждается широкий спектр архивных материалов, не использовавшихся ранее в исторической литературе. При этом, обоснованным представляется использование институционального подхода, позволяющего комплексно исследовать «внутреннюю» логику принимаемых управленческих решений и их последствия, механизмы взаимодействия и взаимовлияние различных правительственных институций [5].

Изложение основного материала. Ситуацию, сложившуюся в сфере государственного управления после Февральской революции, удивительно точно характеризуют слова генерала А.И. Деникина: «И никакой практической работы <...> заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом...» [6].

Как справедливо замечает О. Кудинов, «в ходе революции были освобождены от занимаемых должностей генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, полицеймейстеры, исправники, становые приставы, урядники, земские начальники с соответствующими канцеляриями и делопроизводствами, были упразднены такие местные учреждения, как полицейские управления, комитеты по делам печати, жандармские управления и охранные отделения и т. д.» [7]. При этом «упраздненные должности и учреждения правительственного аппарата на местах были заменены губернскими, городскими и уездными комиссарами Временного правительства и их аппаратом (канцеляриями). Циркулярным распоряжением Временного правительства от 5 марта временно обязанности этих комиссаров до выборов новых органов самоуправления возлагались на председателей губернских и уездных земских управ и городских голов, которые были избраны еще при старом режиме <...> Созданное в марте 1917 г. при Министерстве внутренних дел Особое совещание по местным реформам ввиду сложности работы только к сентябрю подготовило Проект положения о комиссарах, согласно которому компетенция комиссаров напоминала компетенцию губернаторов и исправников. Само «Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах» было обнародовано лишь 25 сентября 1917 г. Такая медлительность порождала кризис власти на местах» [8].

Безусловно, общественно-политическую ситуацию в Петрограде в известном смысле можно экстраполировать и на Таврическую губернию, включавшую в свой состав, наряду с собственно крымскими уездами и три «материковых» уезда – Днепровский, Мелитопольский и Бердянский.

Власть Временного правительства опиралась тут (как и в России в целом) на аппарат Таврического губернского комиссара и уездных комиссаров.

6 марта Таврическим губернским комиссаром назначается Я.Т. Харченко, 27 марта – Н.Н. Богданов (оба – известные земские деятели, возглавлявшие Губернскую земскую управу) [9].

12 марта 1917 г. Таврическим губернским комиссаром была получена из Петрограда циркулярная телеграмма: «Николай Второй уже задержан в Царском Селе точка Председатель Совета рабочих депутатов Николай Чхеидзе» [10].

16 марта 1917 г. Я.Т. Харченко телеграфировал в центр, Временному правительству: «Докладываю в губернии спокойно точка на местах приступлено к организации волостных и сельских общественных комитетов, учреждение которых населением встречается сочувственно» [11].

Впрочем, следует признать: архивные документы свидетельствуют о том, что это спокойствие было весьма относительным. 5 марта появляются слухи о «движении по улицам Феодосии пьяных толп» [12]. 6 марта 1917 года Симферопольский уездный исправник рапортовал Таврическому губернскому комиссару: «Сего числа, около 5 часов вечера, в мое отсутствие, в мою канцелярию явилось около 20 человек нижних воинских чинов, которые как в канцелярии, так и во дворе, произвели обыск, отобрали оказавшееся здесь

оружие и, перерезав телефон, отправились в казарму стражи, где также перерезали телефон и обезоружили стражу, а затем, оставив здесь военный караул, удалились» [13]. 7 марта исправник Никифоров докладывает из Евпатории о намерениях «рабочего класса обезоружить чинов полиции» [14]. 9 марта Земский начальник станции Васильево (Мелитопольский уезд) телеграфирует о «состоявшемся постановлении схода его арестовать» [15] ...

Немаловажно, что власть комиссаров в губернии ограничивалась как центральными ведомствами, так и советами, а также Главным начальником Одесского военного округа, имевшем особые полномочия в условиях военного времени.

Протицируем некоторые показательные документы. Из телеграммы помощника Таврического губернского комиссара Бианки Главному начальнику Одесского военного округа Фелицыну от 30 августа 1917 г.: «Видах сохранения спокойствия и борьбы с контрреволюцией необходимо предоставление Вами мне права [изд]ания обязательных постановлений с карательной [сан]кцией в административном порядке прошу срочно [рас]поряжения телеграфу» [16].

В ответ Главный начальник Одесского военного округа телеграфировал: «Уполномочивать по Закону возможно лишь на наложение взыскания в административном порядке за нарушение изданных уже мною обязательных постановлений ввиду чего по вопросу об издании новых постановлений [н]адлежит каждый раз в нужных случаях входить ко мне с представлениями телеграфу» [17].

Безусловно, следует согласиться с мнением генерала Деникина, что «демагогическая деятельность» Совета рабочих и солдатских депутатов тяготела «над волей и совестью Временного правительства» [18]. В Крыму советы были образованы в Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Карасубазаре (ныне Белогорск), Перекопе [19].

Для аппарата Губернского комиссара (как и целом по стране) был свойственен во многом декларативный характер решений актуальных управленческих задач. Объективные возможности его были крайне ограниченными особенно в силу набравших обороты процессов социальной деструкции.

В этом контексте процитируем крайне показательное обращение Таврического губернского комиссара в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов г. Симферополя от 20 мая 1917 г.: «На обращенную ко мне просьбу Комитета о вызове в г. Симферополь находящегося ныне на действительной военной службе быв. Начальника жандармского управления полковника Мадатова, считаю необходимым сообщить, что выполнить эту просьбу я могу лишь при условии, если Комитет гарантирует, что Мадатов здесь не будет арестован, т.к. выписывать его в Симферополь для ареста я считаю неудобным. Если же Комитет все же ареста Мадатова считает неизбежным, то я рекомендовал бы о задержании и доставлении его сюда сообщить непосредственно в Штаб Одесского Военного Округа, в распоряжении которого он находится» [20].

Отсутствие идиллии во взаимоотношениях параллельных органов власти рельефно подтверждается еще одним интересным документом, а именно, жалобой управляющего имением Аскания-Нова Днепровского уезда, обращенной к Таврическому губервному комиссару 25 мая 1917 г.: «6-го Мая с / года члены Херсонского Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов забрали в экономии Аскания-Нова, согласно прилагаемого списка, винтовки, разного рода охотничьи ружья, револьверы и проч., принадлежащие владельцу имения, а равно принадлежности к этому оружию.

Считая отобрание этого оружия, а в особенности охотничьего, неправильным, Управление имением имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о возвращении такового экономии, если не всего, то хотя охотничьего, револьверов и проч.» [21].

Следствием управленческого кризиса стало усиление своеволия и анархии. Так, к осени 1917 года усилилась тенденция по захвату земельной собственности. В Феодосийском уезде крестьянами были захвачены земли помещика Фелинова, в Евпаторийском уезде – помещиков Шнейдера и Трещева, в деревне Мазанка Симферопольского уезда запахали земли помещика Семаковского [22].

В сложных драматических условиях смены эпох в полноте зазвучал отрезвляющий и вразумляющий голос Русской Православной Церкви, на протяжении сотен лет не просто выполнявшей миссию важнейшего духовного центра и средоточия высоких нравственных ценностей, но и уникального духовного учреждения, благотворно влиявшего на поступательное динамичное развитие самого государства Российского.

Не случайно поэтому, что, в свое время, в ответ на информацию севастопольского градоначальника о «нежелательном развитии сектантского движения» в городе-крепости и главной базе Черноморского флота, Император Николай II наложил резолюцию: «Им там не место, принять меры к их удалению» [23].

5 (18) марта 1917 г., в самом начале «медового месяца» Февральской революции, увидело свет «Послание пастве Таврической», автором которого является выдающийся православный иерарх, архиепископ Таврический и Симферопольский (впоследствии схиархиепископ) Димитрий (в схиме – Антоний) Абашидзе (1867-1942).

Архиепископу Димитрию суждено было жить и трудиться в переломную революционную эпоху, когда, казалось, рушилось все и вся... Свидетель великой катастрофы XX столетия, Владыка Димитрий все свои силы самоотреченно положил на алтарь духовной борьбы с варварством и саморазрушением дорогого его сердцу народа и Отечества. «Послание пастве Таврической» занимает совершенно особое место среди многих слов, обращений, проповедей Владыки Димитрия.

В этом документе с присущей архипастырю глубиной раскрывается отношение истинно верующего патриота России к происходящим переменам. В отличие от многих современников, Владыка, критически оценивая деятельность ушедшего правительства, вместе с тем отнюдь не спешит «бросать камни» в адрес

Государя. Взвешенно и мудро он оценивает текущее положение дел в стране, обозначает важнейшие задачи, стоящие перед каждым истинным гражданином.

Центральным стержнем «Послания», его узловым концептом является призыв к консолидации общества во имя Веры и Отечества, призыв, оставшийся по сути не услышанным...

«... как ни упорен, как ни хитер и искусен враг наш, а все же без малого трехлетняя борьба ослабила и расшатала его, надломил силы его и нужно с нашей стороны недолгое еще усилие, чтобы, Богу помогая, взять верх над ним, выгнать его из наших пределов, обезоружить его и, таким образом, воцарить приятный Христу Богу мир и на нашей земле, и во всех христианских странах, вовлеченных в борьбу с внешним врагом нашим. Для этого желанного успеха, без которого тщетна, немыслима надежда наша на светлое и великое будущее Отечества нашего, так естественно и не призрачно радующая нас ныне, для верного исполнения долга нашего перед страждущей страной нашей в настоящее время требуется от всех нас малого и великого, старого и молодого, дружно, единодушно и самоотверженно взяться за борьбу с врагом нашим и не складывать оружия нашего до победного конца. Счастье Русского народа заврено Богом нам – сынам Русского Отечества, счастье это в руках наших. Как сладостно и вместе страшно сознавать это!

Господь, нелицеприятный Судия, потребует от нас ответа, что мы сделали для сохранения и умножения вверенного нам достояния. Он – Царь Небесный дал нам все для возвеличения нашего Отечества: и свободу, и силу, и богатство земли. Ничто нас не спасет, если мы ныне не объединимся, не будем действовать как единое существо, по подобию Троицкого Бога», – писал, в частности, Владыка Димитрий [24].

Пламенный и во многом пророческий пафос автора обращен к великой идее победного завершения той Отечественной (больше известной в учебниках под наименованием «Первой Мировой») войны. Напомним, что генерал Деникин в своих мемуарах справедливо отмечал: «Наши союзники не смеют забывать ни на минуту, что к середине января 1917 г. эта армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, т.е. 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах. Старая русская армия заключала в себе достаточно еще сил, чтобы продолжать войну и одержать победу» [25].

Однако тяжелый Брестский мир, заключенный Лениным и его окружением 3 марта 1918 года между Советской Россией и государствами Четверного союза во главе с Германией, фактически перевел страну-победительницу в статус побежденной стороны. Вследствие этого для нас была исключена сама возможность участвовать в установлении новой — «Версальской» системы международной безопасности и, соответственно, контролировать послевоенное развитие побежденной Германии, одержимой жадной реванша...

Еще одним уникальным свидетельством о начале «окайных дней» Тавриды является переписка Архиепископа Димитрия с Таврическим губернским комиссаром Н.Н. Богдановым, обнаруженная нами в фондах Государственного архива в Автономной Республике Крым.

Приведем текст одного показательного письма, с которым Владыка Димитрий обратился к Таврическому губернскому комиссару 13 апреля 1917 г.:

«Милостивый Государь, Николай Николаевич.

От о.о. благочинных Таврической епархии поступают на мое имя заявления, что среди населения губернии во многих приходах идут суждения об отобрании у причтов церковных земель и о прекращении выдачи причтам общественного жалованья как вознаграждения за их труд по приходу.

Принимая во внимание, что с устранением существовавшей формы правления и отменой ее не отменены законы Российской Империи, оберегающие права, обязанности и имущество граждан, и что приговоры сельских обществ о вознаграждении членов причта за их труд не могут и не должны терять своей силы до особых постановлений о сем новой Правительственной власти, я имею честь обратиться к Вам с просьбой, не найдете ли Вы возможным разъяснить чрез Уездных Комиссаров Волостным Правлениям, а через сих последних и сельским Обществам, что нарушение последними принятых на себя обязательств к причтам своих церквей является действием недопустимым, противозаконным, в корне подрывающим нормальное течение государственной жизни, воздерживаться от чего настойчиво требует от всех нас наше Временное Правительство, [коему] мы обязаны повиноваться.

Одновременно с сим считаю своим долгом доложить Вам о действиях исполнительного Комитета села Рубановки, Мелитопольского уезда, который поставив в вину своему священнику, прослужившему в приходе свыше 45 лет, его деятельность в 1905/6 годах, как председателя Союза русских людей, коим он, к слову сказать, и не был, предложил оставить приход к 1 Мая с.г., совершенно не считаясь с голосом и желаниями большинства прихожан означенного села /на сходе было всего 100 человек/ и правом епархиальной власти удалять священнослужителей по выяснении степени действительной виновности их. Смею надеяться, что Вы, стоя на страже интересов граждан вверенной Вам губернии и нормального течения государственной жизни, не откажете в своем содействии к прекращению подобных самоуправных действий и о последующем почтить меня своим уведомлением.

Призывая на Вас Божие благословение, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть покорнейший слуга, Димитрий, Архиепископ Таврический и Симферопольский» [26].

Представляется, что весьма непростое положение Православной церкви в Тавриде после Февраля имело не только «стихийную» подоплеку. Архивные документы дают основания полагать, что велась целенаправленная работа по ее публичной дискредитации, о чем наглядно свидетельствует обращение Архиепископа Таврического Димитрия к Губернскому комиссару Н. Богданову от 10 июня 1917 г., в

котором Владыка жаловался на несправедливые и ложные обвинения, возведенные на Топловский Свято-Троицкий монастырь в газетах «Южные Ведомости» и «Русское Слово» (в то время игуменьей обители была Параскева (Родимцева), причисленная ныне к лику святых) [27].

Как грозное предзнаменование подошедшего вплотную разрушительного смерча читаем строки телеграммы Таврического губернского комиссара Алешкинскому уездному комиссару (Днепровский уезд), которая была отправлена 29 октября 1917 г., т.е. уже после Октябрьского переворота в Петрограде: «Священник села Рыбалчьего Русаневич телеграфирует двоеточие Рыбалчьем школа закрыта учительницы изгнаны мне угрожают самосудом оставляю приход точка Экстренно примите меры восстановлению порядка прав потерпевших Виновных привлечите ответственности» [28].

Процитируем еще один удивительный документ, весьма ярко характеризующий тревожную социокультурную ситуацию, сложившуюся на полуострове в «межреволюционный» период. Это Воззвание Таврической Ученой Архивной Комиссии, являвшейся по оценке профессора С.Б. Филимонова «в условиях революции и Гражданской войны приобретала значение главного на полуострове хранителя исторической памяти и культурных традиций [29]», ко всем жителям Таврической губернии от 22 апреля 1917 года: «Таврическая Ученая Архивная Комиссия, имеющая своей задачей охрану памятников старины, обращается к гражданам Таврической губернии с покорнейшей и горячей просьбой беречь исторические и художественные памятники, как-то: древние здания, развалины храмов, крепостей и городов, башни, иконы, церковную утварь, статуи, картины, портреты, древнее оружие, старинные предметы домашнего обихода и украшения, курганы, могилы, кладбища, равно как книги, рукописи, архивы, как казенные, общественные, волостные, так и частные.

Граждане Тавриды! Знайте и не забывайте, что все эти предметы – это памятники истории вашего края, вашей собственной истории. Все не только образованные, но и некультурные народы берегут памятники своей прошлой жизни, как народную святыню. У многих существуют и соответственные на этот предмет законы.

Наша благословенная Таврида богата остатками древности и старины, но очень многие из них, к сожалению, уничтожены от недостатка охраны, людского невежества и небрежности и корысти злонамеренных людей. Теперь, когда достоинство русского гражданина так возвышено, долг каждого заботиться о сохранении, а не уничтожении этих памятников истории и искусства.

Граждане Тавричане! Любя свое Отечество, свою Родину, ее славу и величие, берегите памятники своей истории, это драгоценное наследство от наших предков, – все равно, напоминают ли они нам светлые или темные страницы прошлого. Порча и уничтожение этих предметов причиняют непоправимый вред не только их прямым владельцам, но и всем нам, нашему Отечеству, так как исторический памятник или произведение искусства есть достояние всей страны, есть государственная ценность.

Председатель А. Маркевич» [30].

Известный политический и земский деятель России В.А. Оболенский так вспоминал это «смутное» время: «Вскоре после большевистского переворота я снова провел несколько дней в Крыму, где только что прошли выборы в Учредительное Собрание, на которых большевики совершенно провалились. Власть в губернии (тогда Крым еще не отделился от Северной Таврии) была формально в руках комиссара Временного Правительства, фактически же строй был анархический. Каждый город, каждая деревня управлялись своими комитетами, вернее же – почти не управлялись, а жили остатками старого привычного порядка <...>. Население стало прибегать к самосудам» [31].

В сложившихся реалиях назревавшая смена власти становилась неизбежной...

Заключение. Анализ многочисленных архивных материалов позволяет прийти к выводу, что процесс фрагментации власти явился одной из важнейших, если не ключевой причиной октябрьских революционных потрясений. Самым непосредственным образом он затронул и непростую сферу государственно-церковных отношений, ярким свидетельством чему – содержание переписки Архиепископа Димитрия (Абашидзе) с Таврическим губернским комиссаром Н.Н. Богдановым. Несмотря на желание комиссара действовать в рамках законности, его административно-управленческие возможности оказались весьма ограниченными.

Источники и литература:

1. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма / П. Н. Надинский. – Симферополь : Крымиздат, 1957. – Ч. II : Крым в период Великой Октябрьской Социалистической революции, иностранной интервенции и Гражданской войны (1917 – 1920 г.). – 304 с.
2. Федун В. В. Становление органов управления Временного правительства в Крыму (март-апрель 1917 г.) / В. В. Федун, В. И. Жуков // Революция и Гражданская война 1917-1920 годов: новое осмысление: материалы. – Симферополь : Крымский архив, 1995. – С. 98-99.
3. Зарубин А. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь : АнтикВА, 2008. – 728 с.
4. Пашеня В. Н. Этнонациональное развитие в Крыму в первой половине XX века (1900-1945 гг.) : монография / В. Н. Пашеня. – Симферополь, 2008. – 288 с.
5. Ишин А. В. Из истории деятельности органов Временного правительства в Таврической губернии (по архивным материалам) / А. В. Ишин // Крымский Архив. – 2009. – № 11. – С. 51-59.
6. Деникин А. И. Очерки русской смуты : в 3 кн. / А. И. Деникин; предисл. А. С. Кручинина. – Кн. 1. – Т. 1: Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917). – М. : Айрис-пресс, 2006. – С. 180.

7. Кудинов О. Реформа местного самоуправления Временного правительства России в 1917 г. : [Электронный ресурс] / О. Кудинов. – Режим доступа : <http://emsu.ru>.
8. Там же.
9. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. – С. 100, 104.
10. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК). - Ф. Р-1694. - Оп. 1. - Д. 31. - Л. 109.
11. Зарубин А. Г. Указ. соч. – С. 100; ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 129; Комитеты общественных организаций изначально формировались как демократическая опора власти комиссаров, заменивших губернаторов, и должны были выступать в качестве известного противовеса власти Советов : [Электронный ресурс] // История государства и права России / отв. ред. С. А. Чибиряев. – М., 1998. – Режим доступа : <http://bestboy.narod.ru>.
12. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 22.
13. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 34.
14. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 40.
15. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 42 об.
16. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 20.
17. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 21.
18. Деникин А. И. Указ. соч. – С. 175.
19. Крым: прошлое и настоящее / отв. ред.: С. Г. Агаджанов, А. Н. Сахаров; Ин-т истории СССР АН СССР. – М. : Мысль, 1988. – С. 56.
20. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 297-297 об.
21. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 342-342 об.
22. Надинский П. Н. Указ соч. – С. 32.
23. ГААРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 13294. – Л. 1 об.
24. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 143-146.
25. Деникин А. И. Указ. соч. – С. 133.
26. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 4-4 об.
27. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 16-17.
28. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 46.
29. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887-1931) / С. Б. Филимонов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь : ЧерноморПРЕСС, 2004. – С. 13.
30. ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 124-125.
31. Оболенский В. А. Крым в 1917-1920-е годы / В. А. Оболенский; предисл., подг. текста В. В. Лаврова; коммент. А. В. Мальгина // Крымский Архив. – 1994. – № 1. – С. 60.

Сидорович Є.С.

УДК 04(477.7) "18/19".3036.7

**ЕКОНОМІЧНА ДІЯЛЬНІСТЬ ПРЕДСТАВНИКІВ ФРАНЦУЗЬКОЇ НАЦІЇ
НА ТЕРИТОРІЇ НОВОРОСІЙСЬКОГО КРАЮ В ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ ХІХ СТ.
(за матеріалами Державного архіву Одеської області)**

Російська імперія першої половини ХІХ ст. була багатонаціональною державою, що позначилося на її економічному розвитку. Залучення іноземців до господарського становлення, наприклад, південних губерній сучасної України приводило до більш інтенсивного освоєння регіону. На ряду з іншими національними групами (німцями, болгарами, греками, поляками) до Новоросійського краю переселяються французькі майстри, спеціалісти, промисловці та аграрії. Відомі науковці звертали увагу на економічну діяльність деяких відомих французів в господарстві півдня України, надаючи лише фрагментарну інформацію щодо західноєвропейських переселенців в економічному житті краю [2,3, 38, 39]. Матеріали архівосховищ дозволяють конкретизувати та доповнити наробітки вчених.

В публікації проводиться аналіз архівних документів Державного архіву Одеської області (далі – ДАОО). Виокремлюються в роботі основні фонди – № 1 (Управління Новоросійського і Бессарабського генерал-губернатора), № 2 (Канцелярія Одеського градоначальника), № 4 Одеська міська дума та № 6 Опікунський комітет про іноземних поселенців Південного краю Росії [1]. Автор проводив аналіз архівних джерел Державного архіву Херсонської області в іншій публікації, де значний пласт документів переважно стосувався великих землеволодінь французьких дворян в Таврійській губернії, хоча також були присутні деякі відомості щодо торгового співробітництва Франції та Росії через чорноморський регіон наприкінці ХVІІІ ст. [35]. В даному дослідженні проводиться аналіз джерел іншого архівосховища, де представлена інформація стосовно торгової, підприємницької та сільськогосподарської діяльності, що є продовженням та доповненням наробіток попередньої статті [1].

Перше французьке проникнення позначилося в комерційній сфері Новоросійського краю. Взагалі, налагодження торгових відносин між обома державами починається ще в другій половині ХVІІІ ст., що знайшло своє відображення в підписанні комерційного трактату в 1787 році [38, 39]. Але з початком революції у Франції 1789 року товарообіг через чорноморські порти був зупинений. Тільки в 1801 році був